

Змей - история одного злодея

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

Алексей Булатов

18+

Алексей Булатов

Змей – история одного злодея

«Автор»

2018

Булатов А. Ю.

Змей – история одного злодея / А. Ю. Булатов — «Автор», 2018

История одного бывшего разведчика, который прожил большую и интересную жизнь. Жизнь сделала из него настоящего злодея в глазах обывателя. Жизнь провела его своим путем и сделала из него того, кем он являлся. И вот, уже практически находясь на смертном одре, он встречается Леху, который просто выталкивает его в другой мир и открывает целую систему других вселенных. Он находит для себя другой смысл своей жизни.... Серия «Между мирами». Содержит нецензурную брань.

© Булатов А. Ю., 2018

© Автор, 2018

Алексей Булатов

Змей – история одного злодея

Мы зашли с Арсеном в Радужное, на краю поляны с древом. И сразу увидели Элронда, который шел нам навстречу. Он, видимо, ожидал нашего появления. Я морально приготовился к потоку ругани, который сейчас полетит на меня и на Арсена, но еще больше я испугался за Арсена, которого я сюда приволок. Я предупреждал Арсена, чтобы он не реагировал очень остро, но, боюсь, недостаточно. Элронд, не дойдя до нас еще и десяти метров, начал свою ругань:

– Два ошметка человеческого испражнения, какого хрена вы сюда приперлись? Алексей, ты какого хрена устроил из моего мира проходной двор? Я сейчас же выгоню тебя в Родное, и если ты вернешься сюда даже один, я натравлю на тебя тараканов и комапауков, чтобы они разорвали тебя на мелкие кусочки.

Угроза Элронда прозвучала настолько убедительно, что в моем мозгу всплыл бедный таракан, которого разорвали комапауки в клочья. Я попытался оправдаться:

– Ну он очень меня просил, ему нужно увидеть Змея, он хочет ему помочь.

– А мне насрать с самой высокой точки моего древа на то, что он хочет, и то, что хочешь ты.

Тут вдруг, несмотря на все мои предупреждения, не выдержал Арсен:

– Алексей, а этот старый черт и есть Элронд?

В моем рту пересохло. Я понял, что теперь, как раньше, уже не проскочить, в любом случае будет что-то не очень хорошее. Сглотнув ставшую густой и липкой слюну, я сказал:

– Да это он.

Арсен смело взглянул на Элронда и сказал:

– Только из уважения к вашему возрасту я не сломал вам челюсть сразу, но, если вы вдруг позволите высказывания в таком тоне, я обещаю вам, что не посмотрю на мой возраст.

Мне показалось, что это все. Я сражался с Элрондом несколько месяцев, по два раза в день, и мог с уверенностью сказать: несмотря на то что Арсен выше его на голову и в два раза шире в плечах, сломать ему челюсть у него вряд ли получится. Я даже думаю, что он не успеет и занести руку для удара. Но Элронду понравилась наглость Арсена, по крайней мере, тот огонек, который зажегся в глазах Элронда, дал мне шанс на надежду, что он не исполнит своего обещания сиюминутно.

– Ты, жалкий потомок безродной макаки, смеешь кидать вызов мне? – Спросил Элронд, явно нарываясь.

– Судя по цвету ваших глаз, вы потомок ящерицы, больной гепатитом, и вам не послышалось, – парировал Арсен.

Ну все, подумал я, Арсену пришла хана.

– Забавно, мне это нравится. С каким оружием в руках вы предпочитаете умереть?

– Я готов убить вас голыми руками.

Вот, блин, мужики, одному уже за десять тысяч перевалило, а все туда же. Но Арсен на полном серьезе собирался наkostenить Элронду, а тот на полном серьезе планировал ему ответить. Арсен был крайне напряжен и максимально осторожен, он точно оценивал противника со всей серьезностью. Видимо, это была школа Змея. По словам Арсена, Змей был серьезнейшим противником, даже когда стоял уже одной ногой в могиле с четвертой стадией рака печени, и против старого и тщедушного Элронда Арсен не допускал ошибки, думая, что тот –

слабый противник. Он был максимально собран и сосредоточен. А я на всякий случай отошел подальше.

Как Арсен оказался первый раз на земле, я даже не успел увидеть, но я не могу сказать, что он был такой уж легкой добычей для Элронда. Но то, что Арсен был живой после того, как оказался повержен, говорило, что все-таки у нашей экскурсии будет продолжение.

Арсен, видимо, тоже не совсем успел сообразить, как так получилось, что он оказался на земле, но через мгновение он находился на ногах и опять был в стойке. Элронду было интересно, я видел этот взгляд много раз, когда сам вот так оказывался побитым на земле. Но тут случилось невероятное: Арсен смог схватить Элронда за шею и зажать его в захват. Может быть, если Арсен хотел бы убить Элронда, у него был бы такой шанс вот в это самое время, сдави он шею Элронда так, что она бы хрустнула. Но Арсен не собирался убивать старого эльфа, а эльф не собирался оставаться в захвате дольше того времени, чтобы сообразить, как из него вырваться. Он нанес в плечо и в бок Арсена четыре или пять точечных ударов, видимо, по определенным нервным окончаниям. Так как через еще одну секунду Арсен свалился лицом вперед, так и держа руки в кольце, в котором уже не было противника.

– А ты хороший воин. Было бы у тебя сроку жизни еще лет двести, то ты бы точно со мной мог справиться. Но поймать меня в захват так, вот как ты смог, никто бы не сумел. Видимо, одряхлел я все-таки уже.

Арсен лежал лицом в земле не в состоянии пошевелиться.

– Ты убил его? – спросил я Элронда.

– Нет, не убил, он все-таки будет полезен там, куда так хочет попасть. Я разрешу вам пройти, только тебе нужно надеть доспех, ты его проводишь.

– Я? Я не хочу, я только вернулся, я хочу к жене.

– Ну тогда выкини его, в Родное, и дело с концом.

– Ага, легко сказать, выкини, он мне потом в Родном жизни не даст.

– Так живи тут, я уже смирился с твоей вонью.

Делать было нечего, видимо, выбора у меня было немного.

– А куда его вести-то?

– Тот мир с соснами, в котором я тебе говорил, что лучше не задерживаться, помнишь?

– Да, конечно.

– Вот туда и шуруй с ним. Там найдете крепость, любую, ну а дальше сориентируетесь, только если увидишь тварей, не похожих на людей или эльфов, лучше беги в другое измерение.

– Хорошенькое дельце.

– Все, решили. Иди давай в древо доспех в твоей комнате, жена тебя ждет, у тебя есть два часа, потом возвращайся. Еще пару дней потерпит жена твоего возвращения. К тому же тебе все равно ничего не светит с ней в ближайшее время, она уже на сносях и вряд ли тебя подпустит.

– Это уж я как-нибудь сам решу, можно?

– Давай уже иди, я пока тут с этой вонючей тушей побеседую. Ох, чует мое сердце, поведешь ты через меня целую толпу этих вонючек. Как же мне тут дезодорирующих деревьев не хватает, не приживаются они тут.

Дальше слушать причитания Элронда я не стал и бегом побежал в древо. Поднявшись по капилляру, я нашел Лейлу в комнате, она сидела и что-то шила. Я забежал в комнату, она вскрикнула от радости.

– Алексей! Как я рада, ты вернулся!

– Да, любимая.

Я обнял ее, хотел прижать, но пузо не позволяло это сделать. Я боялся к ней прикасаться, она для меня была как хрустальная ваза, к которой нужно относиться с благоговением. А она плакала, поливая мое плечо горячими слезами:

– Леша, Лешенька! Вернулся ко мне, мой любимый, мой хороший!

Тут из коридора раздался радостный крик другой женщины, а именно Элизы.

– Алексей! Ты вернулся!

И в комнату вошла вторая беременная женщина, или, точнее, эльфийка. Беременная эльфийка. Я замер в ожидании, что сейчас что-то произойдет плохое, но Лейла ни на секунду не ослабила своих объятий, как будто ничего не произошло, а Элиза подошла и обняла меня с другой стороны. И в это самое время я почувствовал себя воистину счастливым человеком. Две лучшие женщины вселенной, одна йэльфийская, другая человеческая, любили меня и сейчас действительно были рады меня видеть. Видимо, мое отсутствие позволило им подружиться между собой, и теперь мне было хорошо. Но нужно было уходить.

– Я, в общем-то, ненадолго, мне нужно сейчас уйти, но я вернусь через пару дней.

– Как, ты уходишь?

– Так получилось, мне нужно проводить одного человека в другой мир, иначе Элронд меня убьет, или Арсен.

Элиза втянула воздух ноздрями и сказала:

– Да уж, убьет точно, у этого человека прескверный запах, проводи его и возвращайся.

– Я тебя никуда не отпущу, – сказала Лейла. – Только пришел и уже уходить? Зачем ты меня вытащил из моего мира, чтобы вот так оставить одну в незнакомом месте?

– Но я вернусь.

– Отпусти его, Лейла, – вступилась Элиза. – Он не может отказаться сейчас, он вернется к тебе и будет только твоим, как я тебе и обещала.

– Хорошо, – насупилась Лейла. – Если все против меня, то делайте, как нужно, я буду ждать.

– Тебе бы тоже не мешало принять душ, от тебя такая смесь запахов, что у меня ощущение, что ты месяц как минимум не мылся, – сказала Элиза.

– Ну не месяц, –

попытался оправдаться, пытаюсь вспомнить, когда же я мылся в последний раз – кроме колонки на границе Польши, ничего в голове не всплыло. И как меня не убил Элронд сразу при встрече? Но меня ждет эльфийский душ, одно из самых божественных наслаждений этого измерения. Я пошел в комнату, разделся и вошел под чашу цветка, который радовал меня больше пяти минут. Видимо, даже для этого цветка я был настолько грязным, что он меня так долго не отпускал. Мне это очень нравилось.

Закончив божественное омовение, я надел эльфийский комбинезон и доспех, который меня ждал в нише, и вышел в зал. В зале меня ждала плачущая Лейла, я обнял ее и сказал:

– Я вернусь очень быстро, может, даже сегодня, ну край завтра, и больше от тебя никуда не уйду.

– Я буду тебя ждать, скоро уже роды, ты приходи за мной, мне тоскливо тут без тебя.

– Ты пойдешь со мной?

– Да, милый, куда скажешь, туда и пойду.

Я поцеловал Лейлу и направился обратно к Элронду и Арсену. Подойдя к ним, я обнаружил странную картину: Элронд учил Арсена, он показывал ему какие-то приемы и что-то рассказывал. Арсен внимательно слушал и что-то спрашивал. Когда я подошел уже совсем близко, они остановили свой разговор и обратились ко мне:

– Ну что, мы пойдем прямо сейчас? – спросил Арсен.

– Ну я не намерен тянуть время. Меня ждет жена, и я хочу быть с ней, – ответил я ему.

– Эх, как жаль! Такой великий учитель, как Элронд, я бы очень многое отдал, чтобы хотя бы месяц у него поучиться.

– Я не планировал тебя учить. То, что ты своей смелостью заслужил один урок, не значит, что я готов делиться с тобой знаниями, – ответил Элронд, как всегда, в своем стиле.

– В любом случае, я бы попытался, может, даже если бы это стоило мне жизни, – сказал Арсен с глубоким искренним уважением.

Я понимал, о чем говорит Арсен, я сам научился драться на мечах только благодаря школе Элронда и тысяче мелких синяков и царапин.

– Все, идем, Арсен, сказали нет, значит нет, – ответил я.

– Иди, Арсен, может, все-таки еще и увидимся. Там, куда ты пойдешь, твоих знаний боевого искусства будет достаточно, чтобы выжить. Вы будете проходить через болото с деревьями, похожими на бамбук, сруби там себе палку, только аккуратно, не руби с плеча, режь аккуратно, там очень хитрое дерево, можно сломать меч, если бить наотмашь, несмотря на то что будет казаться, что оно тонкое.

– Что это за растение такое? – удивленно спросил Арсен.

– Вы не сможете выговорить этого названия, но вы не пройдете мимо.

– Я понял, – сказал я, мне не терпелось уже отправиться в путь.

– Еще раз: если в мире с соснами вы увидите толпу существ, а до крепости вам будет далеко, не геройствуйте и бегите из измерения, биться с ними в открытой местности – самоубийство.

Элронд включил отца-командира, меня это начало утомлять. Я перебросил Арсена в первый мир нашего пути и вошел вслед за ним. Этот маршрут я проходил дважды, и теперь мог по нему ходить, так как он остался в моем сознании. Особенность прыгуна в том, что он не может пройти без ключа в первый раз в измерения, если не случится спонтанного перехода, как было со мной. Но уже побывав в параллельной вселенной, переход навсегда остается как бы в памяти. Я начинал видеть это измерение из соседнего и мог зайти в него или выйти. Неудобство было только в том, что я не помнил, выше это измерение или ниже того, из которого я переходил, и был шанс или удариться ногой, или неловко шлепнуться на входе. Сейчас мы так с Арсеном и поступили, мы бахнулись на землю в лесу. Мягкий мох смягчил удар, и мы быстро оказались на ногах. И я совершил следующий переход.

Два перехода подряд с Арсеном в качестве груза меня слегка оглушили, все-таки не такое это простое дело. И я решил передохнуть, благо место, где мы оказались, было явно безопасным. Мы были в степи, и горизонт просматривался в любую сторону. Я присел, а потом прилег.

– Что случилось, Алексей?

– Ничего, просто ходить сразу по многим измерениям достаточно энергозатратно, туша у тебя здоровая.

– Ну какой есть. И сколько тебе тут отдыхать нужно?

– Минут десять-пятнадцать, нам еще шесть или семь миров идти, лучше на каждом будем привал делать, чтобы были силы выпихнуть тебя в случае опасности.

– Хорошо, отдыхай, я покараулю.

Я лег на землю и закрыл глаза. В воздухе пахло травой и землей, все, как в Родном. Я даже не заметил, как уснул. Мне показалось, что я только закрыл глаза, как вдруг почувствовал, что меня кто-то трясет. Я резко проснулся и сел.

– Что случилось? – спросил я ошарашенно, стараясь сообразить, где я.

– Ничего не случилось пока что, – сказал Арсен, – но может случиться минут через двадцать, вон смотри.

Я посмотрел в сторону, которую указывал Арсен. Группа всадников, в количестве сорока или больше, скакала в нашем направлении, и встреча с ними не предвещала ничего хорошего. Поэтому я молча встал и, перебросив Арсена дальше, перешел вслед за ним.

Мы попали в тот мир, о котором говорил Элронд. Я сразу это понял, тут явно была болотистая почва, из которой росли тонкие, но очень высокие растения. Толщиной они были в два человеческих больших пальца, а высотой метров в десять. Я вынул меч и начал резать одно из деревьев. Дерево было очень непростым, многослойным и очень крепким. Я пилил мечом

минут десять, пока дерево не завалилось. Причем даже несколько волокон держало это дерево целиком. Потом еще минут десять я отрезал палку в размер, который указал мне Арсен. Когда я закончил, он взял палку и покрутил ей вокруг себя.

– Удивительно, это просто невероятно. Она легкая и невероятно крепкая.

– Элронд знает все, не удивлюсь, если это он их тут и посадил. Это ты в его древе еще не был, там вообще все чудесно.

– Может еще бог даст, увижу.

– Вряд ли, он очень не любит гостей, воняем мы для него. Хотя кто его знает, Змей вот был в древе.

– Ну ладно, хватит болтать, идем дальше.

Дальше наше путешествие было спокойным, мы дошли до мира с соснами и двинулись в поисках крепости, как учил Элронд. Арсен явно чувствовал себя в своей тарелке, он шел впереди и время от времени останавливался, поднимая руку. Мы увидели орков и крепость одновременно, когда вышли из леса. Черная толпа существ была далеко от нас, в трех километрах слева, и она также направлялась к городу-крепости, куда, видимо, было нужно и нам. Мы побежали с Арсеном в сторону крепости, надеясь достигнуть ее раньше орков. Нам это удалось, но, к ужасу, оказалось, что все ворота закрыты, а на стенах не было видно ни одного жителя. Мы начали кричать, но с той стороны не было видно движения. А орки приближались к нам со стороны леса. Их было около пятидесяти существ, чем они быстрее приближались, тем отчетливее я видел их рыла. Черные, лохматые, с клыками, они были очень неприятные. Глаза у них напоминали скорее глаза собаки, чем человеечьи, белков глаз не было видно. Кто-то из них был одет в набедренные повязки, кто-то был голым, тут были и самки, и самцы. Они видели нас и шли к нам с вполне понятным намерением поужинать. А за стеной все так же было тихо. Я достал мечи и встал в стойку, приняв решение если и умирать, то как можно дороже продать свою жизнь. Арсен, видимо, принял точно такое же решение и встал рядом со мной в стойке. Мы стояли с ним, готовые умереть, а черная толпа приближалась смертельной волной. Я уже в мельчайших деталях видел эти рыла и понимал, что против такой толпы я выстоять долго не смогу и вопрос только в том, скольких я смогу забрать с собой.

Когда расстояние от нас до орков осталось метров пятнадцать, на башне крепости произошло движение: в бойницах появились фигуры, и поток стрел встретил бегущую орду. Первый ряд бегущих, пораженных стрелами, полетел кубарем, и все, кто бежали за ними, полетели сквозь в них. Стрелы продолжали их настигать и поражать с невероятной точностью и скоростью. Мы с Арсеном продолжали стоять в стойке с готовностью принять бой, но стало понятно, что оставшиеся пятнадцать метров никто из врагов преодолеть не сможет, так как стрелки в крепости четко знали свое дело и поражали всех смертельным потоком. Через две минуты на поле не осталось ни одного живого существа, кроме меня и Арсена.

В крепости открылись ворота, и оттуда выехали всадники, которые окружили нас.

– Кто такие? – спросил лидер конного отряда. Он был в шлеме, который скрывал лицо, как и все всадники.

– Мы пришли на помощь, наш земляк должен быть в одной из крепостей, он прибыл к вам две недели назад с Элрондом.

– Вы Змея имеете в виду?

– Да, он тут, в крепости. Так вы тоже друзья Элронда?

– Ну ровно на столько, на сколько вообще человек может быть другом эльфа.

В ответ в толпе всадников раздался дружный смех.

– Да уж, этому старому вредному элфу человек другом быть не может, – со смехом сказал главный всадник.

Он спешил с коня и снял шлем. Это был стройный, высокий мужчина, явно человек. Волосы у него были длинные, забранные в пучок, на лице были борода и усы.

– Ну добро пожаловать, вы тут у нас приманкой выступили, теперь за несколько дней мы много орков положим. Они на свои трупы будут раз в сутки выходить, мы их будем убивать.

Всадники спешили, вытащили ножи и пошли вырезать стрелы из трупов, складывая их в колчаны. А мы вместе с командиром пошли в замок. Прямо около входа в замок нас ждал Виктор Сергеевич, он прямо-таки подпрыгивал от радости и нетерпения.

– Арсен! Как я рад тебя видеть, я знал, что ты придешь ко мне.

– Виктор Сергеевич, – заговорил Арсен через губу, – как вы могли вот так уйти и оставить меня одного?

– Ой, давай тут сейчас без обид, ты видел, куда я шел? Я понятия не имел, получится у меня или нет. Ладно, потом все, пойдемте ко мне. Мантин, ты бы тоже к нам присоединился.

– Хорошо, я так понял, это наше подкрепление, о котором ты говорил?

– Нет, это только еще разведчик и проводник.

Под проводником Змей, видимо, имел в виду меня.

Мы пошли в замок, который был в центре крепости. Замок был классическим средневековым замком в готическом стиле, как и вся крепость. Тут были и башни, и переходы по стенам, и все, что полагается для отражения нападения. Были котлы со сложенными дровами под ними, для того чтобы разогревать смолу. Было множество стрелометов, которые стояли на каждой опорной башне на стене. Было множество дозорных, по которым я сразу понял, что как только мы вышли из леса, вся крепость уже про это знала, но почему-то они сидели тихо. На мой вопрос Мантин ответил:

– Орки умнеют, они в лоб на крепость не идут, знают, что тут они будут уничтожены, но вид свежего мяса пересиливает их осторожность. Да и память у них не очень долгая. Вот сейчас гора из трупов, которую мы сложили около стены, будет привлекать их с периодичностью один раз в сутки, со всей округи. В течение недели вся округа будет вычищена, но придется потерпеть вонь, которая будет идти от их тел. Но через неделю мы всех сожжем. И можно будет устраивать новые западни. Так что вы очень удачно пришли.

Было неприятно чувствовать себя в качестве загонного зайца, но что сделать, война есть война. Мы шли в замок, запах внутри которого был такой, что переживание за разложившиеся трупы под стенами были не таким уж и страшным событием. Глаза резало так, что текли слезы. Но нужно было терпеть. Мы вошли в зал, а из зала прошли в помещение, которое я бы назвал кельей. Каменная комната с потолком в виде сходящихся вместе стен на конус и окном, в котором были вставленные витражи из цветного стекла. Что меня удивило больше всего – из потолка свисал шар, который горел белым светом.

– Это что, электричество? – удивленно спросил я.

– Нет, тут другая технология, я тебе потом расскажу, – ответил Змей.

– Круто, – все так же удивленно сказал я, глядя на этот светильник.

– Это моя комната, любезно выделенная Мантином, тут вот я и живу.

Я обратил внимание на две черные тетрадки, которые лежали на столе в этом зале, за который мы сели. Также тут было много вырванных страниц, разбросанных на полу.

– Извините за бардак, я тут работал. Пробую для себя новый жанр – написание мемуаров, точнее заканчиваю уже это дело. Вот хотел тебя попросить, Алексей, забрать их в «Родное», прочитать и дать мне рекомендации по поводу, стоит мне продолжать это дело или нет.

Змей протянул мне две толстые тетрадки в черном переплете. Я открыл первую и прочитал:

Здравствуйте я злодей

Ну так с чего начать? Я сижу вот и думаю: ну, наверное, начну с начала, меня звать Виктор Сергеевич Дробленко, ну если говорить правду, то я Виктор Сергеевич Кан. Моя мать, царствие ей небесное, согрешила с каким-то чудом залетевшим в наши края корейцем с фамилией Кан. Куда делся этот кореец, неизвестно, но он подарил мне внешность, за которую я все время получал змеиные прозвища. То ящерица, то змей, то анаконда. Особенность моей внешности в азиатском веке, но при этом от матери мне достались светло-синие глаза. И в итоге эти два элемента в сочетании приводили к тому, что мой взгляд окружающим все время казался пронизывающим, холодным. Первым, кто дал мне змеиную кличку, была моя бабушка. Она так и назвала меня – кобреныш, и до конца дней своих звала меня именно так. Хотя бабушка относилась ко мне не лучше и не хуже, чем к другим своим внукам.

Детство и юность моя прошли в деревне Бобрица, недалеко от Канева, где я, в общем-то, и прожил большую часть своей жизни вне службы, и где я построил свой дом под старость. Деревня в те времена была много больше, как, наверное, и все украинские села. Но из детства я, в основном, запомнил драки, один на один или стенка на стенку. Это было нашим главным развлечением, не считая поиска оружия в местных лесах. Все, что я сейчас помню из того времени, это как я нашел новенький ящик с немецким МП40 и как мы стреляли из него по банкам, пока нас кто-то не заложил и нам не пришлось его сдать. Как дрались мы с деревенскими и городскими, и свои неудачи на любовном фронте. Неудач у меня было много, слишком, наверное, много для деревенского парня. Внешность тому была виной, и поэтому я ждал повестки в армию как чуда, как шанс уехать из этой местности и увидеть мир. В армию мы пошли вдвоем с Николаем Гордой, моим соседом и другом, с которым мы потом служили вместе почти двадцать лет, получая одинаковые награды и звания. Но это я, наверное, забегаю вперед.

Как сейчас вот, помню тот день, когда мне привезли повестку. Наверное, это самое яркое воспоминание моей юности. Мы сидели с Николаем на колхозном сеновале и обсуждали планы на предстоящие выходные, когда вдруг прибежала его сестра и с вызовом так:

– Колька, иди домой, тебя там сюрприз ждет, и ты, Вить, иди.

С замиранием сердца мы пошли по домам, думая, на чем же мы погорели. Войдя в дом, я увидел мать, которая сидела на стуле с печальным видом, и отчима, который утешал ее:

– Да не переживай ты так за своего ублюдка, ничего с ним не случится. Послужит и вернется, он к тому же не один от нас идет, они вон с Николаем вдвоем пойдут.

Как вы, наверное, поняли, мой отчим не любил меня и был очень рад избавиться от моей персоны. И когда я собирался, он давал мне напутствия:

– Ты там оставайся, в армии, нечего тебе тут делать, там из тебя человека сделают.

Что я еще помню, что страха перед сменой места жительства я не испытывал ни малейшего, только бурную радость от того факта, что я сейчас уеду из этого треклятого места дальше, чем был когда-то. Я собрал вещмешок, поцеловать мать, пожал руку отчиму и пошел к Николаю. Я взял с собой только то, что было надето на мне, краюху хлеба и запасные портянки. В общем-то, больше-то у меня и не было вещей, ну кроме еще одной рубахи и штанов, которые я и не стал брать.

Николая провожали совсем по-другому: в доме был накрыт стол, и уже пьяный в дупель отец Николая захлеб рассказывал про свои подвиги в Великую Отечественную, как он спас бабушку от фашистов, задушив одного бельевой веревкой. Эта история отца Николая была притчей во языцех в нашей деревне, да и состояние его отца уже было настолько сильно отравленным, что мы предпочли тихонько скрыться. Правда, Николай, в отличие от меня, набил целый вещмешок продуктов, и даже взял небольшую бутылку самогона.

Тот день мне запомнился в мельчайших деталях, так как все в тот день было для меня в новинку. В те года такого понятия, как «уклонисты», в наших местах не существовало. Мы, воспитанные на фильме «Максим Перепелица» и подобных, мечтали попасть в армию. Тогда в медицинской комиссии выездного военкомата мы боялись, что вдруг у нас что-то обнаружат.

Поэтому в повестке, которую принес нам почтальон, было только предписание быть в такое-то время на такой-то станции и ждать военного состава. В те времена во всех семьях еще были живы ветераны, и эти ветераны были нашими самыми близкими родственниками. В отсутствие телевизоров их рассказы о войне были единственным способом провести время вечерами, особенно зимой. Поэтому в нас был величайший дух патриотизма. Тех, кто по состоянию здоровья не мог пойти в армию, все считали никак не меньше, чем инвалидами. Поэтому в тот день мы с Николаем летели на станцию, указанную в повестке, с восторгом и упоением, с опережением часов в двенадцать. На железнодорожной станции нас скопилось двенадцать человек, с окрестных деревень, все, как и мы, пришли заранее, с полными мешками еды. И, конечно же, все, у кого на губе уже были волосы, посчитали своим долгом притащить самогону. Я, к стыду своему, алкоголь не переносил, видимо, это был еще один из наследных признаков от моего реального отца. Мне тогда за это было очень стыдно, когда все мои ровесники напоказ друг перед другом надирались до поросычьего визга, я не мог удержать алкоголя в себе больше, чем две рюмки. Как я только ни старался научиться пить, но организм категорически не желал иметь ничего общего с алкоголем. Но тогда, на станции, я еще раз попытался доказать, что я такой же, как все, и залихватски запрокинул бутылку, хлебнув большущий глоток из горла. А еще через минуту я уже выплескивал его в кустах за перилами перрона под общий смех. Помню, Николай тогда ржал со всеми и говорил:

– Змей, ну не твое это, ты же знаешь, тебе мы молочко из блюдца, как змее, а самогон это не твое.

Ух как я его тогда ненавидел, хотя это все было в то время очень быстро. Ненависть, дружба, любовь – все сменяло друг друга иногда по семь раз в течение дня.

Мы ждали на станции, больше всего боясь, что поезд не придет. Даже выпивать-то боялись, не дай бог что-то. Поэтому, сделав по глотку больше для вида, все стали ждать поезда, который ждать было очень долго. Ах, как его было долго ждать, это был не день, это была вечность. Сейчас, когда мне уже почти семьдесят лет, время летит со скоростью, и день сменяется днем, и есть только сожаление о том, что не успел большей части из того, что спланировал. А тогда мне хотелось продать душу, чтобы время шло ну хоть капельку быстрее. Мы не знали, чем себя занять, мы мечтали и маялись. Но именно тогда, на той самой станции, мы с Николаем твердо решили попасть в разведку. Мы даже сами не поняли, как тогда это произошло. Просто сидели на корточках на перроне и рассуждали, кто куда хочет попасть. Кто в танкисты, кто в морфлот, а Николай возьми и ляпни: «А мы вот со Змеем в разведку пойдем». Как он сам мне позже сказал, он так ляпнул, не подумав, мы ведь с ним даже не думали, в какой род войск хотим попасть. Наша мотивация была сбежать из деревни, а как дальше построить свою жизнь, мы не смотрели. И вот тогда он ляпнул, а какой-то толстый малый сказал:

– Не выйдет у вас в разведку, это в разведшколу нужно, а туда так просто не попасть, там офицерское звание дают.

– А мы попадем, мы со Змеем пробивные. Скажи, Змей.

– Да, точно.

– Не выйдет у вас, спорим, – продолжал гундосить тот парень. Я даже не помню, как его звали, помню только толстую, упитанную рожу. Но он тогда определил нашу с Николаем судьбу, правда.

– На что спорим? – спросил Николай, замахиваясь рукой.

– На три четверти, – ответил толстый.

– Идет. Эй ты, разбей! – и какой-то еще один парень, лицо которого я вообще не помню, разбил. А мы условились встретиться тут, на этой же станции, спустя два года и рассказать друг другу, как шла служба.

Потом пришел поезд, я впервые в своей жизни с трепетом зашел в этот поезд. Плацкартный вагон мне показался просто райским местом. Все наши решили не разбредаться по вагону и собраться вместе. Прапорщик, который нас пустил в вагон по списку, предупредил:

– Все, что с собой взяли из жратвы и выпивки, не должно дожить до завтрашнего утра. Завтра мы прибудем в часть, там уже вы встанете на довольствие и начнется ваша новая жизнь, поэтому сегодня сумки опустошить, а остатки завтра выкинуть.

Нас дважды просить было не нужно, мы устроились как могли и провели всю ночь не смыкая глаз. Именно в ту ночь я закурил. Ну, я покуривал и раньше в деревне, но сигареты и папиросы было достать очень непросто, денег у меня не было, а отчим отобрал бы все, так как в деревенском магазине было невозможно что-то купить, чтобы не узнали все. И именно в том солдатском вагоне я впервые нормально покурил свою первую сигарету. И не просто сигарету, а выигранную в карты. Идея играть в карты пришла сразу после того, как весь запас алкоголя кончился. Это произошло на удивление быстро, практически на втором полустанке, где мы подбирали очередную партию солдат-срочников из весеннего призыва. Вдруг выяснилось, что пить уже нечего, и мы начали играть в карты. В карты я играл хорошо, слишком хорошо. И поэтому, когда было предложено на кон ставить сигареты, я занял у Николая две сигареты, и через тридцать минут мы в тамбуре курили с ним взятяг. Я до сих пор помню вкус тех папирос. Это были ««Герцагофина Флор»», которые стырил один из призывников. Он долго торговался, что такую папиросу нужно ставить один к трем на кон, и когда я согласился и поставил три сигареты против его одной и еще две за твердую черную пачку. И обыграл его, в три партии выбрав остатки его сигарет. Он полез было на меня с кулаками, называя шулером. Но ребята тогда встали на мою сторону, остановив конфликт. И я, чувствуя себя победителем, пошел курить с Николаем в тамбур, чтобы не раздражать соседей ну и не позволить им стрелять эти дорожные сигареты. Мы курили сигареты, как будто они были из золота, и тот странный вкус табака, который ни с чем не спутаешь, – он остался со мной на всю жизнь. Хоть позже я уже никогда не курил данный вид сигарет, так как их или было невозможно достать, либо они очень дорого стоили. А деньги в те времена для меня были ресурсом очень дефицитным.

Утром мы прибыли в часть, и началась действительно новая, неизвестная мне до этого жизнь. Для деревенского парня типа меня это была действительно крайне интересная и познавательная часть жизни. Три месяца нас учили ходить строевым шагом и заставляли учить устав. И мы готовились принять присягу и отбывать уже к основному месту службы. Но тут случились два события, которые стали логическим продолжением нашего спора на перроне. Ну, во-первых, началась война в Афганистане, и по всем учебкам и военным частям пошел сбор добровольцев для отправки в Афганистан. Ну а во-вторых, Николай в числе первых записался в эти самые добровольцы, записав туда и меня. Выбив обещание с командира, что он обязательно отправит нас в разведроту.

Я тогда как будто плыл по течению, все происходило не совсем по моему желанию. Сейчас, вспоминая прошлое, я все время пытаюсь представить, если бы я поступил по-другому, как бы сложилась моя жизнь? Вот не пошел бы я на поводу у Николая и не попал бы в Афган, как бы оно сложилось? Я позже тысячу раз жалел о принятом тогда решении, я проклинал Николая и про себя, и вслух. Но постепенно, с возрастом, я осознал, что это не было ошибкой, и в итоге принятое тогда решение провело меня по крайне интересной жизни. Можно сказать, я прожил четыре жизни обычного человека, а может, и больше. Ну, по крайней мере, дней рождений я могу праздновать очень много. А не повернуло бы меня тогда в этом направлении, я, наверное, вернулся бы в деревню и все-таки бы спился в конечном итоге, несмотря на переносимость спиртного.

После того, как мы написали заявления о вхождении в добровольческую миссию, для отправки в Афганистан нас привели к присяге раньше сослуживцев и отправили в другую часть самолетом. От нашей части было сорок человек добровольцев, и нас переправили самолетом

сначала в Узбекистан для дополнительной подготовки. Я впервые летел в самолете, и это тоже одно из моих базовых воспоминаний. Мне все еще было все интересно – после скучных восемнадцати лет деревенской жизни последние четыре месяца были настолько насыщены событиями, что мне и до сих пор кажется, что я родился в тот день, когда почтальон принес повестку в армию. И сколько мы потом разговаривали с Николаем, у него было точно такое же ощущение. Мы, двое деревенских парней, для которых даже солдатская еда казалась пищей богов, мы дружно не понимали, что так морщатся городские, чем они недовольны. Тогда вот, в самолете, нам дали сухой паек и по фляге с водой. В сухпайке были галеты и консервированная ветчина. Мы с Николаем с трепетом открыли одну банку и ели ее как драгоценность. Я до сих пор помню тот вкус, хотя потом ветчина и галеты мне вставляли поперек горла, но вот тот первый раз я помню до сих пор. Лейтенант, который нам выдал пайки, смотрел на нас тогда с усмешкой:

– Салаги, – с улыбкой говорил он, – жрите, скоро вас с этих консервов блевать будет тянуть.

Он был прав, но тогда, в самолете, мы были в восторге. Я помню все из того самолета: и дверь в кабину пилотов, которая была открыта. И БМП который стоял за рядом пассажирских сидений. И запах смесь керосина и дизеля, которым этот самолет пах насквозь. Помню, как нас трясло на высоте, и мы бегали к пилотам, чтобы узнать, что случилось. Пилоты, улыбаясь, говорили:

– Не бойтесь, салаги, это просто воздушные ямы.

Я стоял около двери и с восхищением смотрел на облака далеко внизу. Я даже запомнил те облака, сейчас, когда закрываю глаза, я их помню. В общем-то, вся моя память о моей жизни состоит из таких вот воспоминаний, между которыми что-то было, но это что-то в какой-то серой мгле. А эти вот воспоминания, как яркие пятна, шарики, которые лежат на полочке моего мозга. Вот и сейчас, когда я все-таки решил писать свои воспоминания, я начал с самых первых, которые есть у меня на этой самой полочке. Наверное, если я постараюсь и вспомню, что было до этого момента, я и вспомню, но точно не захочу про это писать. Хотя кто его знает, будет ли это кто-то вообще читать? Кому интересна жизнь старого вояки, который закончил ее... Ой, ладно, не буду переживать и забегать вперед.

Мы прилетели в часть и попали в подготовку разведчиков. Но перед тем как нас определить в роту, с нами имел беседу подполковник. Я впервые говорил с человеком такого высокого звания, он для меня был как бог.

– Ребята, я вас запишу, но у меня будет к вам просьба: вы не должны уходить из армии после окончания срочной службы, государство в вашу подготовку вложит очень много государственных средств, и вы должны остаться и продолжить службу.

Он это говорил таким тоном, чуть ли не просящим, я стоял и не верил своим ушам. Для меня армия все еще была праздником, и тут отец-командир говорил, что этот праздник может быть вечным. Я, наверное, тогда впервые выпалил раньше Николая:

– Товарищ подполковник, я твердо решил связать свою жизнь с армией, вы даже не сомневайтесь.

А после была настоящая учеба. Не то, что мы проходили там, на материке, там нас учили ходить и показывали основные виды оружия. Тут нас били и гоняли. Били больно и регулярно. А в промежутках между избиениями и изматывающими марш-бросками мы сидели в учебных классах, где нам читали лекции. Одну из таких лекций я запомнил буквально дословно: ««

Военный приказ, что это такое и почему он подлежит обязательному и беспрекословному исполнению. Так как шахматная доска войны не видна солдату, солдат должен выполнить приказ и поставленную задачу. Он может применить смекалку и добиться достижения цели с наименьшими потерями, но задачу он должен выполнить любой ценой. Так как на кону может быть гораздо большая цена, о которой солдат не имеет ни малейшего понятия»».

Лекций было много, мы не придавали тогда значения, нам казалось, что все это бред старых маразматиков. Нам казалось, что только практические занятия имеют смысл, пусть там нас и бьют. Но сейчас я могу сказать с точностью, что значение тех лекций имело ценность в сохранении жизни на поле боя существенно большую, чем владение штыком или автоматом. Но тогда мне занятия в полевой стрельбе нравились гораздо больше. Нас учили стрелять из всего оружия, которое было, и рассказывали его устройство и прикладное значение. И на эти занятия мы шли всегда бегом. К тому же там патронов не жалели, и стреляли мы до ожогов на руках.

Были у нас и экзамены, которые определяли нашу готовность к дальнейшей службе. Вот тут мы с Николаем показывали совсем разные результаты. Все, что было связано с физической силой, Николай сдавал на отлично, а мне вот существенно легче давалась теоретическая часть и языковая подготовка. Как тогда выяснилось, от моего отца мне досталась не только змеиная внешность, но и склонность к языкам. Обнаружить эту склонность раньше я не был в состоянии, так как в деревенской школе не было иностранного языка. А тут нам давали простые фразы на дари и пушту, которые откладывались у меня в голове с первого раза. На это сразу обратил внимание преподаватель, майор Снегирь.

– Я буду писать рапорт о дополнительной подготовке для вас, Виктор. У вас склонность к языкам, вы буквально хватаете все на ходу.

Но мне тогда хотелось на передовую, и я просил не делать этого. Снегирь рапорт все-таки написал, но нас с Николаем оставили в одной роте. Через три месяца дополнительной подготовки нас определили к Добрыне.

Добрыня был боевым офицером, легендой, о которой ходили слухи. Попасть к нему хотели все, кто проходил обучение. Он был в звании капитана и в возрасте 38 лет имел все возможные боевые награды того времени. Ходили слухи, что он даже был представлен к званию Героя СССР, но где-то потеряли бумаги, и пока что этого не произошло. Он был из тех командиров, которые шли наравне с солдатами в бой, а солдаты готовы были отдать жизнь за него. Когда нам выдали предписание об успешном окончании первичной подготовки школы и назначении в его роту.

Второй самолет в своей жизни я запомнил не меньше, чем первый. Мы летели из Узбекистана в Афганистан, в новой форме с полным боекомплектom. Я запомнил выдачу оружия и напутственную речь инструктора:

– Там автомат это ваша рука. Тут вам его выдавали только для стрельбы, а там вы будете с ним ложиться спать и просыпаться. Вы должны беречь его, как бережете собственную руку, следить за ним, холить его и лелеять его.

Я летел в самолете и обнимал мой автомат, я холил его и лелеял его. Мы все еще не понимали, куда летим, все еще в голове рисовались геройские картинки и в сердце полыхала эйфория. Первый крах всех наших иллюзий произошел вместе с опустившимся трапом самолета. Как только он закончил рулежку и опустил трап, мы увидели раненых солдат, которые начали грузиться в самолет сразу после того, как из него вышли мы. Вот тогда первый раз в жизни я почувствовал запах войны. Не знаю, как для кого, а для меня запах войны это смесь запаха немытого человеческого тела с запахом спекшейся крови и гноя. Этот запах меня преследовал все время, пока я был в Афганистане. Иногда к нему примешивался сладкий запах пороха, и тогда картинка была полной. Любая мелкая рана в Афганистане начинает источать запах в течение нескольких часов. Вот когда открылся борт самолета и в лицо пахнуло жаром, я и почувствовал этот самый запах. Я помню лица своих сослуживцев, с которыми мы летели в самолете, когда они увидели множество раненых, занимавших места, на которых мы только что сидели.

Первым человеком, который встретил нас в Афганистане, был старший лейтенант Прохоров. Нас было десять человек, которые были определены в роту Добрыни. И он приехал за пополнением в Баграм, куда мы прилетели, чтобы встретить нас и сопроводить в часть. Приехал он за нами на «буханке» со снятыми дверьми. Помню, когда мы сели в этот выдавший виды УАЗ, он сказал:

– Сидеть на полу, смотреть во все глаза, если что – из машины бегом и в кусты занимаем оборону.

Мы сидели тихо и ехали по разбитым дорогам, подлетая на каждом ухабе. Ехали мы часа три или четыре, мне тогда казалось, что никакой войны тут нет, а есть только пустыня и гористая местность. И дикая жара. Но когда мы доехали до части и вышли из машины, война вернулась в виде труп старшего лейтенанта Прохорова, который сидел рядом с водителем, а в лобовом стекле зияла маленькая дырочка. Водитель, который вез нас, как только заехал в часть, остановил машину и куда-то убежал. Мы вытащили тело старшего лейтенанта и положили его рядом с машиной. Тело уже успело окоченеть, видимо, снайпер сработал где-то недалеко от города. Мы стояли вокруг него, сняв шлемы, все еще не понимая, что мы попали на войну. И тогда мы познакомились с Добрыней.

– Ну что салаги, трупов не видели? А ну марш квартировать, нечего вам тут делать.

То, что это был Добрыня, мы поняли сразу. Мужчина средних лет с богатырским телосложением, светлыми волосами и пронзительным взглядом. Он был в гимнастерке без погон, но мы сразу поняли, что это офицер, и вытянулись, как нас учили в учебке.

– Оставить, сволочи! Оставить! – заорал он на нас. – Вы меня что, на тот свет отправить хотите? Мы тут, суки, не в штабах! Нас тут убивают!

Мы ошалело уставились на офицера, а он, уже успокоившись, добавил:

– Снайперы, стараемся не пускать их к части, но не всегда выходит. Так что тут честь не отдавать, вон Прохоров форму с погонами нацепил, теперь хоронить будем. Так что отставить, тут просто без знаков, по-простому.

Я потом только понял значение его слов, все-таки доходило достаточно медленно, почему такие правила. Это была странная война, совсем не такая, как мы видели в фильмах про войну. Тут не было врагов днем, но вечером все вокруг становились врагами. Я не понимал тогда ни смысла, ни своего места, но я учился.

Добрыня учил нас убивать, до этого в учебке нас учили драться. А Добрыня учил нас убивать. В общем-то, многие из тех приемов, которые он нам показывал, мы уже проходили в учебке. Но тут на любом приеме он делал акцент на том, чтобы противник был уничтожен.

– Запомните, салаги: доброта и человеколюбие остались там, дома, вернетесь и опять будете добренькими и человеколюбивыми. Тут у вас нет друзей, даже если днем они вам улыбаются и угощают чаем, ночью они постараются воткнуть нож вам в спину. Поэтому любой удар исключительно на поражение, тут или вы их, или они вас, поэтому на тренировках полный контакт, я только не ломаю вам кости.

И нас опять били, правда, в этот раз у нас начинало что-то получаться. В дело нас пока что не брали, в основном мы были внутри части и стояли в карауле. Но в то время все было спокойно. Война была где-то там, мы иногда ее слышали. Иногда видели в виде трупов, которые неожиданно появлялись и в нашей части. Они не давали нам расслабиться. Ну еще мой новый напарник и друг, с которым я тогда познакомился, Дженибек. Добрыня специально свел меня с ним, так как в моем деле было указано про склонность к языкам, а Дженибек был таджиком и владел дари. Так что я учился у него языку. Вообще таджиков старались не присылать в Афганистан, так как у них тут тоже что-то срабатывало, что они могли встать на сторону душманов. Но Дженибек был уникальной личностью, он был родом из Москвы, он там родился и вырос. Его родители – врачи, которые тоже почти всю жизнь прожили в Москве. Он

был младшим ребенком в семье, самым любимым и самым разбалованным. И это привело к тому, что он бросил институт и чуть не загремел в тюрьму. И уже прокурор предложил ему выбор: либо армия, либо тюрьма. А уже в армии он выбрал путь в Афганистан и разведроту, куда его с удовольствием отправили, так как он был носителем языка, максимально близкого к местному. Вот и я тогда учил свой первый язык, который давался мне действительно легко и просто. Ну еще Дженибек научил курить меня траву. Травы тут было много, достать ее было просто. Эта привычка долго преследовала дальше меня по жизни, но мне казалось, что в ней нет вреда. Дженибек говорил:

– Это много лучше, чем алкоголь, алкоголь, он травит организм, а это только помогает организму, это полезно.

А вот Добрыня не одобрял этой привычки и говорил:

– Это зараза та еще, уж лучше раз в неделю 0,5 водки выпить, а с этой дури тупеешь.

Я позже пришел к выводу, что и то, и то дрянь, которая губит людей, но тогда, молодой, я радовался, что нашел себе замену алкоголю.

Дни в Афгане сменялись днями, нашей задачей была разведка на десять километров от лагеря с проверкой движения душманов и доклад в часть и в центр об их перемещениях. Я учил язык, и мы ходили группами из десяти-пятнадцати человек. Я уже думал, что вся моя «срочка» так вот и пройдет, но потом стало жарко. Сначала начались обстрелы из минометов по ночам. Это было крайне неприятно, мы несли серьезные потери. Нам был дан приказ выявить места, где душманы хранят боеприпасы. И мы из кожи вон лезли и пытались это выяснить. Тогда я убил своего первого ««духа»». Мы с Николаем и Дженибеком остались в дозоре на ночь, в надежде выследить минометный расчет. Мы залегли в камнях, в пяти километрах от лагеря, и, стараясь не шуметь, ждали. Когда стемнело, нам повезло: группа из семи душманов с ящиками вышла на нас. Они прошли мимо чуть ниже нашей лежки, по тропе, и на полянке, которую мы днем как раз и определили как идеальную точку для обстрела, начали устанавливать минометы. Мы вдарили из автоматов, по трем секторам, как нас учил Добрыня, и спустя две минуты на поляне не осталось живых. Мы выждали двадцать минут, чтобы исключить подход подмоги, и пошли проверять поляну. Я пошел в тот сектор, в который я стрелял, и обнаружил там один труп и одного трехсотого. Он увидел меня и потянулся к оружию, которое лежало от него далеко. И я добил его. Что меня тогда удивило, так это полное отсутствие какой-то реакции внутри. Я столько слушал историй про то, как солдаты переживают за первую кровь. А у меня внутри ничего не шевельнулось. Может, конечно, сказалась усиленная подготовка последнего месяца. Николай тоже мне сказал, что особенно ничего не почувствовал, ну убил и убил.

– Что поросенка резать, что человека, не вижу разницы.

Потом я уже, конечно, узнал, что все-таки просто так в разведку не берут и что есть определенные психологические моменты, по которым и берут в разведку.

Мы тогда притащили минометы в часть, и за это мы получили благодарность. Нам повезло, ящики, с которыми ходили «духи», были с нестертой маркировкой, а внутри лежали даже упаковочные листы с маркировкой НАТО. Добрыня прямо сиял от удовольствия:

– Ну молодцы, ребята, ну молодцы! Теперь главное все это доставить до точки, хотя все равно, конечно, никто не поверит, будут говорить, что это мы сами подбросили, но все равно. Представляю вас к награде за такую добычу.

Потом опять шла скучная служба, день сменял день, сейчас в памяти это все как одна мгла песочного цвета. А потом случился апокалипсис. Рано утром в день, когда на небе висели облака и собирался идти дождь, по нам ударили с трех сторон одновременно. Ударили жестко и плотно. Половина части полегла, наверное, в первые двадцать минут боя. Но выжившая половина смогла занять оборону согласно расчета и ответить противнику. Я помню, как лежал за мешками с песком и бил очередь за очередью по фигурам, которые лежали вдали. Как били с

вышек пулеметы. Потом пришли вертушки и накрыли с воздуха “««духов»»». И бой был окончен. Мне тогда показалось, что прошло не меньше целого дня, но по факту прошло не больше часа. Потом мы собирали трупы и складывали их для эвакуации.

Потом прилетели вертушки, которые забрали сначала трехсотых, а потом и двухсотых. Часть была почти уничтожена, нас осталось не больше 30 % от первоначального состава. И самое страшное, что враг знал про это и скорее всего этой ночью нас ждала новая атака. Мы с Николаем понимали, что дожить до утра будет очень сложно. Дженибек вот не смог дожить и до вечера, он полез на вышку, чтобы встать у пулемета, по которой выдали из РПГ, и от Дженибека не осталось ничего.

После обеда вернулся Добрыня с подкреплением. И собрал отряд в палатке. Он тогда произнес речь, которую я тоже запомнил на всю жизнь. Именно тогда я, наверное, совсем избавился от детских фантазий о войне

– Ребята, сегодня утром на нас напал Хасан со своими бойцами, скорей всего сегодня ночью или под утро он опять совершит вылазку и опять нанесет удар. То, что я вас попрошу сделать, находится за гранью добра и зла, но это позволит нам победить его раз и навсегда. Все вы знаете, что тут, в четырех километрах к востоку, есть аул, это родной аул Хасана, там его жена, и дети, и родственники. Так вот, если мы уничтожим этот аул, то Хасан совершит глупость и пойдет в лобовую атаку с целью отомстить, и тогда “«вертушки»» сотрут его с лица земли. Если же мы не сделаем этого, то он уничтожит нас одного за другим, устраивая вылазки и удары, как было до этого. Я не буду давать приказ, я прошу добровольно пойти на это.

Я тогда находился в состоянии аффекта после гибели Дженибека, которого я успел полюбить, я не понимал еще до конца, что нам предстоит сделать, и я поднял руку.

Это было ужасно, на самом деле ужасно, в добровольцы пошло двадцать пять человек и сам Добрыня. И мы снесли эту деревеньку с лица земли. Снесли ее целиком и полностью, не дав жителям ни малейшего шанса на то, чтобы уцелеть. Если есть в жизни события, которые я бы хотел не помнить, так вот это одно из них. Но память четко держит тот день от начала до конца. А день тот был длинным, после того как мы закончили с деревней, мы залегли в километре от базы и стали наблюдать. Расчет Добрыни оказался верным, через час после того как деревня была уничтожена, мы увидели “«духов»», которые шли по ущелью в направлении части. Их было много, так много, что я даже представить себе не мог, столько народу в этой местности. Мы сидели в засаде и ждали, когда этот поток закончится. И смотрели на Добрыню. Я тогда думал, что нам хана, так как справиться с этой толпой было невозможно. Но оказалось, что в шести километрах от нашей части были развернуты системы залпового огня “««Град»»» и что они только ждали координат, откуда пойдут духи Хасана. И там же были вертушки с “«Дроздами»». Как только мы увидели конец колонны Духов, Добрыня передал по рации, чтобы начинали операцию и сказал:

– Ребята, молимся чтобы нас не накрыло, каким богам кто умеет.

И тогда я действительно молился. Все ущелье от нас до нашей части вскипело, превратившись в огненный ад. Я лежал тогда между двумя валунами и действительно молился. Ну как я, конечно, мог молиться, ребенок, выросший в эпоху самого развитого социализма. Двадцать минут работал “««Град»»», а вслед за ним пришли “«вертушки»», которые обработали ущелье с другой стороны. Это отняло еще двадцать минут. А потом Добрыня сказал: все, идем теперь на добивку. И мы пошли в сторону части, добивая раненых и живых. Навстречу с части шли наши, занимаясь ровно тем же. Ни о какой пощаде и пленных речи не шло.

– Главное, чтобы Хасан шел в начале колонны, тогда считаем эту операцию полностью успешной. Будут вам железки в подарок, – говорил Добрыня.

Железками он называл награды, нас действительно представили к наградам, и целый генерал приезжал в часть, чтобы вручить их. А нас отправили сначала в тыл, потом опять на

передовую, уже в другую часть, где, в общем-то, все было приблизительно так же. Наверное, про мою молодость и взросление в Афганистане можно было бы написать отдельную книгу, и, может быть, я ее даже и напишу, но сейчас я просто пытаюсь написать именно историю одного злодея. Самого себя, как я прошел через жизнь и как сложился мой характер. Ведь про это не напишут и не снимут кино, это ведь не геройские подвиги. В Афганистане я понял, что такое война, настоящая. Не та, которую показывали в кино или по телевизору, а настоящая война. Когда ты утром завтракаешь с другом или просто знакомым, а вечером ты его пакуешь в пакет, чтобы он не вонял, и ждешь «вертушки», чтобы отправить его на родину. А иногда и паковать нечего, так мало остается. В разведке остаются те люди, которые в этом аду остаются с холодным сердцем. Добрыня жестко отбирал ребят и выгонял тех, кто ожесточался. Мы должны были работать так, как это было нужно, а не просто мстить и уничтожать все живое. То, что мы разнесли деревню в щепки, это было просто частью военной операции. Мы также должны были сидеть и пить чай с этими «духами» в другой деревне, узнавая у них информацию.

Я уже владел дари на уровне свободного общения, и моим следующим заданием был подкуп местного населения и построение разведсети. В большинстве своем местному населению было глубоко начихать и на нас, и на «духов». Им хотелось просто местной жизни, вкусной еды и прочих обычных благ человечества. Но были и другие, которые готовы были убивать за идеи, но самым тяжелым было их различить. В этих одинаковых бородатых лицах, все было в кучу. Мы дальше работали уже совсем над другими задачами, нашей основной целью было выявление источников поставки оружия и их баз хранения. Я сильно загорел в этой местности, носил накладную бороду, и мой азиатский разрез глаз делал меня тут практически своим. Ну разве что синие глаза сильно контрастировали. Но это не выдавало во мне русского сразу. Хотя и тут я получил змеиное прозвище Ящерица. Чем больше я погружался в местные обычаи и культуру, тем больше я понимал, что имел в виду Добрыня, когда говорил, что это не наша война. Но я выполнял свою работу и старался делать ее хорошо.

Нам сильно повезло, мы смогли выбить у одного из «духов» координаты сброса груза. Мы были уверены, что это будет оружие. Но когда мы пришли к месту встречи, то сильно удивились, как мало народу его встречает. Всего лишь один автомобиль и шесть человек, которых мы устранили без единого выстрела. Потом прилетел самолет и выбросил один ящик на парашюте. Добрыня, видимо, уже начал понимать, что происходит, так как он вдруг сказал:

– Так, нечего тут всем делать. Гордый, Змей и Сыч со мной, остальные – в распоряжение.

Гордый – это мой друг Николай, кличка по фамилии Горда. Ну а Сыч – это замена Дженбека в нашей тройке. Сыч тоже получил свое прозвище по фамилии – Сычев. Звали его Александр. Но мы тут не обращались друг к другу по именам. Когда наш отряд растворился, мы остались вчетвером и пошли ловить ящик. Когда мы подошли к нему, Добрыня сказал:

– Судя по всему, мы перехватили деньги, скорее всего, американские. Сейчас мы с вами можем поступить в двух вариантах. Первый – мы расскажем в центр, что перехватили эти бабки, к нам прилетит «вертушка», и их изымут. Куда они потом денутся, неизвестно, я стараюсь про это даже не думать. Но есть второй вариант: мы сейчас изображаем, что в этом ящике была взрывчатка, деньги прячем и используем их для оперативной работы. Я бы даже мог предложить оставить часть себе, но вы понимаете, что привезти в СССР валюту у нас вряд ли получится.

В общем, Добрыня был реально военным, который хотел использовать полученные деньги исключительно в тактических целях. Мы тогда были молодыми и горячими бойцами, которые только начинали понимать суть происходящего. А Добрыня был для нас великим командиром. Он, видимо, неплохо разбирался в людях, поэтому оставил именно нашу тройку.

Мы сложили восемь гранат и подорвали их. Потом сели в автомобиль «духов», загрузили деньги и поехали в сторону расположения части, за руль сел Добрыня. Не доезжая части,

он свернул в горы и остановился около входа в пещеру, которых тут было очень много. Там мы и спрятали ящик с деньгами, взяв с собой около сорока тысяч долларов.

– Про деньги даже родной матери не говорить, сюда просто так не ходить, все через согласование со мной.

Дальше наша работа пошла много лучше, наличие изображений американских президентов на зеленом прямоугольнике творило чудеса с «духами». Сто долларов для них были космическими деньгами, и они развязывали языки существенно лучше и быстрее, чем пытки. Через месяц мы знали о всех цепочках поставок оружия и все основные тропы.

Мы передавали координаты в центр, а оттуда нам присылали благодарности, а иногда новые железки или лычки. Мне, Гордому и Сычу даже присвоили звания младших лейтенантов, что было, в общем-то, нарушением, но наше звено реально было лучшим.

Ну что еще мне запомнилось в то время, о чем бы я хотел, наверное, написать, именно в то время в Афганистане я познал продажную любовь. Тогда я лишился девственности в объятиях девушек, которых американский президент сводил с ума ничуть не меньше, чем он сводил с ума «духов» и предателей. Несмотря на то что это вроде была исламская республика, где только что произошла исламская революция, в городах все было, и можно сказать, что местные бордели тоже были источником информации. И мы туда ходили и подкупали местных фей, а они нам платили не только информацией, но и любовью.

Служба шла, но в итоге мы получили приказ о демобилизации. Срочная служба она ведь потому и срочная, что у нее есть срок. Я тогда сильно расстроился, я не хотел на гражданку, для меня жизнь началась тут, в Афганистане. Несмотря на то, что тут убивали. А вот Николай он обрадовался, ну оно и понятно, его в деревне ждала девушка. Потом, правда, меня успокоил Добрыня, сказав, что отправил мою характеристику в центр и что я смогу вернуться, пройдя ускоренный курс в Академии, но уже в звании лейтенанта или даже старшего лейтенанта, что война эта надолго, и мы еще успеем тут повоевать. В общем, попрощавшись, мы улетели на родину..

Дембель

Дембель! Сладкое для большинства срочников слово для меня было трагедией. Конечно, мне, с одной стороны, тоже хотелось пройти по родной деревне, с грудью, полной медалей, коих у меня и у Николая действительно было много. С другой стороны, я уже не мог себя представить в условиях мирной жизни. Меня никто не ждал в родной деревне. Но тем не менее я ехал. Все равно чувство героя, что я такой весь из себя, гордыня тащила меня в родной край. Если меня сейчас спросить, что такое афганский синдром, я его точно опишу подробно. Мы возвращались с войны героями, но гражданка не признавала в нас героев. Они не понимали значения тех орденов и медалей, которые были у нас на груди. Для них мы были просто солдатами, которые вернулись на гражданку. А мы, когда ехали домой, представляли себе все по-другому. Мне-то было легче, я знал, что меня ждет пьяное рыло отчима и матери. И недовольство брата и сестры, что я приехал. Я еще в Афгане понимал, что мне там места нет, и ехал просто за компанию с Николаем. Но все оказалось еще хуже, чем я даже мог представить.

Мы дошли до деревни, Николай пошел к себе, а я пошел к себе. Войдя в дом, я почувствовал резкий запах перегара и плесени. Внутри было темно и сыро. Отчим валялся прямо на полу в кухне, пьяный вусмерть, а матери нигде видно не было. На столе стояла батарея пустых бутылок и остатки еды. Видимо, у отчима были гости, которые ушли не очень давно. Мать я нашел в сенях, она лежала на старой тахте, в состоянии ничуть не лучше, чем отчим. Сестры и брата видно не было. В общем, делать в этом доме мне было совсем нечего, и я решил пойти в гости к Николаю.

У Николая в доме был праздник! Николая встречали по полной: мать и отец с дедом бежали по дому, на ходу решая, как будут отмечать такое радостное событие. Увидев меня, дед Николая закричал от радости:

– А вот и сослуживец! Витя, заходи, будь как дома.

Я насупился, потому что тут мне были явно больше рады, чем в моем собственном доме.

Николаевская родня знала, видимо, о том, что происходило в моем доме, и потому сходу определила мне место во главе стола рядом с Николаем и со словами:

«Сиди, отдыхай» п

родолжала быстро собирать на стол. Уже чуть позже мать Николая Серафима Андреевна рассказала, что мои брат с сестрой уехали в Канев и поступили в аграрное. И вот уже год как носа сюда не кажут. А отчим с матерью совсем спились. Что если я хочу, то могу и у них тут остановиться ненадолго. Но могу пойти в колхозный клуб и там пожить какое-то время, пока не определюсь с будущим. Вот чего я тогда хотел меньше всего, так это оставаться в колхозном доме и в этой деревне вообще. Я тогда покрывался липким потом от мысли в том, что я могу тут остаться. Я хотел сбежать куда угодно и как можно быстрее. Лучше уж в Афган, Пакистан, да куда только можно.

Мы неделю прожили в деревне у Николая. Я бы свалил через день, но Николай очень упрашивал меня не уезжать без него. И я оставался ради боевого товарища. Ему-то тут было хорошо, и девушка его была рада очень. Хотя в этот раз даже ко мне отношение у девушек изменилось, и они поглядывали в мою сторону с интересом, наверное, у меня, быть может, что-то и получилось бы, останься я там подольше.

Еще одно событие того времени, которое запомнилось мне, это наш поход на станцию в тот день, в который мы уходили в армию. Это было на третий день после прибытия. Мы не были уверены, что те ребята запомнили наше пари и придут на станцию в этот день. Но мы пошли, к тому же и повод был: брат Николая уходил в армию, и ему было предписано как раз быть на этой станции, и мы решили проводить салагу. Отец Николая даже выделил нам для этого случая свой «запорожец». И мы доехали до станции, практически долетели. И, что удивительно, ребята не забыли про наше пари и были на станции.

Вся проблема в том, что мы были в офицерской форме с погонами младшего лейтенанта. Но форма у нас была пехотная, без дополнительных знаков отличия. Хотя медали и ордена говорили сами за себя. А ребята и тот толстомордый парень, видимо, попали в ВДВ, так как они были в беретах и тельняшках. Но погоны у них были чисты как совесть младенца. Увидев нас, они ошалели и присвистнули.

– Это как же вы за срочку офицеров-то получили?

– Разведка это тебе не хухры-мухры, – сказал с вызовом Николай.

– А что твоя разведка? Где тянули-то? Неужели в Афгане? Или все побрякушки купили?

Толстомордый явно нарывался. Мы тогда знали, что их в войсках дяди Васи хорошо готовили. Но отличие было в том, как я уже говорил, что нас готовили убивать, а их готовили драться. А это совсем два разных искусства. Может быть, если бы толстомордый не сильно выпендривался, то Николай остался бы в деревне, может, даже я один бы уехал в училище. Но этот толстомордый парень, имя которого я так и не узнал, второй раз predetermined наше будущее. Хотя во второй раз это обошлось ему в пару ребер и сломанную руку, как нам потом рассказывал участковый, который нас отвез в тюрьму. Ну, в общем, по порядку: их было четверо, нас двое. Они служили в ВДВ, мы были на войне. Поэтому как только мы поняли, что драки не избежать, мы вырубали их так, как нас учили. Четыре движения, четыре попадания. Я сломал коленную чашечку одному и руку второму. Николай ударил дважды, и два мешка с мясом осели на платформе. Мы перетащили их с платформы подальше и проводили брата Николая. А на следующий день за нами приехал наряд, который запихнул нас в «козлика» и отвез в тюрьму. Ну точнее, в районный КПЗ, где нам выделили по отдельной камере. Про-

сидели мы, правда, недолго, наверное, меньше суток. Потом у меня был долгий, практически душевный разговор с Майором Петренко Василием Николаевичем.

– Ну что же ты, Виктор, наделал? Герой ведь, медали вот какие у тебя, как же ты так?

– Я не знаю, как так вышло. Просто они нарывались, и пришлось им вдарить.

– Вы из четырех человек сделали четырех инвалидов, трое в больнице, видимо, надолго, один дома лежит.

– Ну простите, нас так научили.

– Да, понимаю, вы ведь в разведке в Афгане были?

– Да.

– Ну короче у вас теперь выбор небольшой: либо вы этапом сейчас пересыпаетесь в академию, где проходите дополнительное обучение, и уже из армии никуда не уходите, либо по этапу так же, но чуть северней и на дольше. Это предложение действует только в течение одних суток, и то благодаря вашей характеристике.

– Я согласен.

– Ишь ты какой быстрый, ты прямо обрадовался, как я посмотрю? А твой друг вот расстроился, хотя тоже не сильно. Но я вынужден вас этапировать в любом случае, в Москву поедете почтовым вагоном под охраной.

– Да мне побоку.

– Да мне тоже, но хочу я в Москву съездить, жена сапоги просит. А тут вы мне как манна небесная.

Вот так мы и попали в Мытищенскую военную академию внешней разведки. Нас таких, которые, понюхав пороха, попали в это образовательное учреждение, было на целую группу. Видимо, тут отцы-командиры понимали, что к чему, и не ставили нас рядом с людьми без боевого опыта. И преподавательский состав у нас отличался от общего потока. Нам читали практики, это были и деды с Великой Отечественной, и ветераны корейской и вьетнамских войн. И каждый читал свою дисциплину и рассказывал свои истории. Нашим командиром был Савченко Василий Дмитрич, полковник КГБ. Он вел нашу группу. Он рассказывал, чем мы отличаемся от других:

– Вам уже не нужно вдавливать понятие важности исполнения приказа, вы уже понимаете ценность человеческой жизни. В общем, то, на что в других группах уходят годы шлифовки и отбора, вы уже прошли. Поэтому у вас и программа много короче.

Программа, может, была и короче, но она была очень насыщенной, мы занимались с утра до поздней ночи. А у меня еще были дополнительные языковые занятия. Полученные в той академии знания мне потом реально были очень полезны и на службе, и после нее. Я тогда освоил много теоретических знаний по поводу психотипов людей, из кого можно сложить нормальную команду, а кого нужно выкидывать. Разведчик это в первую очередь психолог, а уже во вторую это боец. Нас учили таким вещам, о которых лучше и не знать большинству граждан. Я до сих пор, по идее, личность, которой нельзя выезжать за границу, так как я являюсь носителем таких тайн, за которые надо было бы убить. Я вот помню одного нашего преподавателя, Пожарова Петра Алексеевича, который каждую свою лекцию начинал с фразы:

– То, что я жив, это просто чудо и халатность наших спецслужб, но зато у меня есть возможность делиться с вами знаниями. Вот я и думаю: стоит мне уйти из академии и все, не будет больше Петра на этой планете. Ну я бы точно бы себя приговорил бы.

Его лекции были самыми интересными с точки зрения художественного исполнения. Он не читал предмет, он рассказывал о своей жизни, обычно ему давали по два академических часа, которые он тратил без перерыва. Никто и не думал даже уходить на перемену или выходить в туалет, так интересны были его рассказы. История жизни этого человека поучительна сама по себе, но противоречит понятиям добра и зла обычного человека. Вообще, все, что связано с разведкой как таковой, лежит вне этого понятия. По-хорошему, тот, кто выживает в

разведке, в понятии обычного человека это стопроцентный шизофреник. Мы реально ненормальные. Вот и Петр Алексеевич, он постоянно на это ссылаясь. Тогда я еще его не понимал так, как понимаю его сейчас, хоть та деревня, которую мы уничтожили, чтобы выманить Хасана из пещер, была в моей памяти острым пятном. Даже и у него таких пятен была масса:

– Нам тогда была поставлена задача любыми средствами и силами пробиться в ставку к Гитлеру, как это было сделать в тех условиях, не представлялось возможным. А если учесть, что мы действовали в окружении английской и американской разведки, которые были очень хорошо упакованы и денег у них было очень много. А мы были голытьбой, у молодой советской республики не было денег, их не было настолько, что нам приходилось работать, чтобы прокормить себя. В общем-то, именно этот факт и слепой случай помогли мне оказаться в ставке. Я устроился поваром в кафе, где проработал в течение года. Я, кстати, очень неплохой повар, так уж сложилось, что я хорошо готовлю, а в том кафе я проработал почти год. Хозяин кафе Томас Хелц работал со мной бок о бок. Я очень многому научился у Томаса в плане готовки, он был хорошим человеком. Немцы, они фанатики работы, работа у них как религия. Томас не был исключением, он работал в кафе больше всех, несмотря на то что был хозяином достаточно успешного и богатого заведения. Он стоял у плиты с раннего утра до позднего вечера. Он мог убрать посуду после гостей и помыть ее. Мне очень повезло, что я тогда поработал рядом с ним, так как все-таки не в одной разведшколе не могут передать дух другого народа. И в итоге именно благодаря Томасу я и попал в «Гнездо на утесе». Ну, конечно, не только благодаря ему, а еще и благодаря другой нашей команде, которая смогла вычислить одного из поваров, работавшего там, и устроить ему несчастный случай, а также подать идею найти хорошего повара из «простых смертных», и выбор пал на меня. Я проработал в этом месте до 1944 года, когда оно было ликвидировано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.